

*Анатолий Зверев. Автопортрет с пером и бантом.
1968. Бумага, тушь. Музей AZ*

Дон Кихот

СЕРВАНТЕСА
В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ
АНАТОЛИЯ
ЗВЕРЕВА

AZ
MUSEUM

*Анатолий Зверев. Сервантес. 1983. Бумага, карандаш, акварель.
Частное собрание*

ЖИЗНЬ МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА

Мигель де Сервантес очень любил театр и за свою достаточно долгую для того времени жизнь побывал в разных ролях и на разных сценах, включая театры военных действий. Но кем он, обладающий изрядным жизненным чутьем и пронизательным умом, никогда не был, так это «донкихотом» (тем удивительнее распространенное смешение автора и героя романа «Дон Кихот»!). Соответственно, у него было не так много общего с его «взбалмошным сыном»¹ — виртуальным существом, сотворенным «на полях» жизненного опыта «отца» — выходца из многодетной семьи², недоучившегося студента и солдата (морского пехотинца), алжирского пленника и скромного государственного служащего (сборщика налогов), а также — сотен прочитанных им книг: толстых, в твердых переплетах, и тоненьких, «веревочных», продававшихся на ярмарках отдельными печатными листами, подвешенными на веревки (*pliegos sueltos*). Среди них были португальские и испанские «книги о рыцарстве» и итальянские рыцарские поэмы, пасторальные романы-«эклоги» и сатирико-фантастические диалоги, плаутовские «жизни» и «мавританские» повести, была и бессмертная «классика» — Гомер и Вергилий, Овидий и Гораций, Лукиан и Апулей, Эзоп и Элиан, Катон и Марк Аврелий, а также весь репертуар гуманистической учености: диалоги Платона, сочинения Аристотеля, Геродота, Ксенофонта, Тита Ливия, Плутарха, Плиния Старшего, труды Августина Блаженного и Дионисия Ареопагита, Фомы Аквинского и ренессансных неоплатоников... Увы! прочитанное Сервантесом мы знаем лучше, чем его жизнь. Достоверно о творце «Дон Кихота» известно немного.

Мигель де Сервантес родился в 1547 году, предположительно 29 сентября — в День святого Михаила, в честь которого и был крещен. Сохранилась церковная запись о его крещении от 9 октября, и некоторые ученые предпочитают считать эту документально зафиксированную дату днем рождения писателя. Но если мы будем внимательно читать

¹ Разве что немалый возраст (50 лет!), старческие хвори (всего пять коренных зубов, больные почки), кое-какие никак не объяснимые для жителя юго-восточной Кастилии умения и — вот это уже важно — неизлечимая страсть к чтению, покупка книг на последние деньги, и не только рыцарских романов. См. подробнее в ст. «...И судьба его взбалмошного сына».

² Предки Сервантеса по отцовской линии (хотя сама фамилия звучит как галисийская) были кордовцы (не исключено, что «новые христиане»): это — прадед писателя, торговец сукном Руй Диас де Сервантес (род. 1430) и его дед адвокат Хуан де Сервантес (род. 1470?), изучавший право в Саламанке и долгие годы служивший чиновником, исполняя обязанности помощника корректора (ср. совр. вице-мэра) в разных кастильских городах, в том числе в Алькала-де-Энарес, где у него в 1509 году родился сын Родриго, отец писателя, от рождения страдавший глухотой. Он был женат на Леоноре де Кортинас, дочери землевладельца из Старой Кастилии, женщине образованной и энергичной, родившей мужу-инвалиду шестерых детей (один из них умер в младенчестве): троих дочерей и двоих сыновей — Мигеля и Родриго.

Первую часть «Дон Кихота» (так называемого «Дон Кихота» 1605 года³), то натолкнемся на любопытную деталь. Сервантес нередко, пускай и приблизительно, отмечает возраст своих персонажей, но никогда не приводит дней их рождения. За одним исключением: донья Клара — одна из героинь «вставных» любовных историй новеллистического типа, оказавшаяся на том же постоялом дворе, где пребывает и Дон Кихот, рассказывая о своей участи, отмечает: «...Мне исполнится шестнадцать лет на Михаила-архангела». Похоже, что Сервантес, как и многие живописцы Возрождения и барокко, этим признанием, отсылающим к *его* дню рождения, отмечает «на полях» свое присутствие в «картине».

Место рождения писателя — небольшой город Алькала-де-Энарес, расположенный вблизи Мадрида и славившийся своим университетом, в том числе богословским и медицинским факультетами. Его отец, Родриго де Сервантес, глухой от рождения лекарь-хирург, так и не получивший из-за инвалидности полного университетского образования, не найдя возможности применить свое умение «штопать раны» в Алькала, в поисках заработков с семьей или в одиночестве, сопровождаемый лишь старшим сыном Мигелем, служившим для него переводчиком при общении с больными, странствовал по городам Кастилии и Андалусии.

После первых детских лет, проведенных в Алькала, в жизни Мигеля были Вальядолид, Кордова, Севилья и, наконец, Мадрид (с 1561 года столица Испании), город, в котором семья Сервантес (за исключением младшей дочери Луизы, в 17 лет ушедшей в алкалаинский монастырь) обосновалась с 1566 года. В Мадриде в 1567–1568(?) годах Мигель посещал занятия в частной «городской школе» — «колехио» (колледже), предназначенном для подготовки желающих к поступлению в университеты. Однако Сервантесу не довелось всерьез ни в одном из них учиться: обширная гуманистическая культура, которой отмечены его творения, его знание итальянского, начатков французского и в какой-то мере латыни и арабского языка — плод живости ума, лингвистической

³ Принятое в сервантистике сокращение — «Дон Кихот» 1605 и даже ДК 1605. После публикации в 1615 году сервантесовского продолжения ДК 1605 — «Второй части хитроумного кабадьеро Дон Кихота Ламанчского» ДК 1605 стал также именоваться «Первой частью». В 1637 году издатели объединили обе части в один двухчастный роман, именуемый просто «Дон Кихот».

одаренности, врожденной любознательности и фантастической начитанности.

Подающий надежды и как поэт, Сервантес пользовался особым расположением создателя «школы» — Хуана Лопеса де Ойос, известного гуманиста, последователя Эразма Роттердамского. Были у него и — по алькалалинской юности — друзья. Благодаря протекции Лопеса де Ойос и юношеской дружбе с поэтом Педро Лаинесом, прислужником в спальне дона Карлоса⁴, наследного принца, Сервантес посещал собрания двух «академий» (литературных сообществ), члены которых собирались в зале-приемной дворца тяжело больного инфанта. Там они проводили часы в беседах на литературные и иные темы, читая стихи и делясь новостями. Каждую из «академий» возглавлял гранд, представлявший одну из соперничающих придворных фракций (их состав и политические пристрастия часто менялись): в 1566–1568 годах это были — «альбисты», возглавлявшиеся герцогом Альбой, и «эболисты», сторонники принца Эболы. К «альбистам» примыкал и с детства друживший с герцогом, известный своими стихотворными сатирами, бывший посол императора Карла V в Венеции и на Тридентском соборе Диего Уртадо де Мендоса (1502?–1575). Позднее в своем первом романическом опыте, пасторальном романе «Галатейя» (1585), Сервантес образно представит Уртадо де Мендоса как наставника всех испанских поэтов того времени⁵.

Но в 1567 году герцог Альба был отправлен королем командовать императорскими войсками во Фландрию, где разгоралась национально-освободительная война, в 1568-м Уртадо де Мендоса был заключен в тюрьму, а затем послан (выслан) на родину, в Андалусию, — описывать восстание морисков в горах Альпухарры. Вскоре скончался и дон Карлос, а сам Сервантес в 1569 году оказался в Риме, спальничим в свите молодого кардинала (фактически его сверстника) Джулио де Аквавива: в Италию Мигель, предположительно, бежал, спасаясь от судебного преследования (сохранился королевский указ от 15 сентября 1569 года о розыске и аресте некоего «студента Мигеля

⁴ Дон Карлос (1545–1568), сын Филиппа II и его первой жены Марии Португальской, умершей на четвертый день после рождения принца, широко известен как персонаж драматической поэмы Ф. Шиллера «Дон Карлос» и одноименной оперы Дж. Верди, основанных на предании о трагической любви инфанта и третьей жены его отца Изабеллы Валуа (1559–1568), изначально предназначавшейся в жены принцу.

⁵ Можно только гадать, знали ли он, что Уртадо — подлинный автор книжечки «Жизнь Ласарильо с Тормеса»? Вряд ли. Тогда эта повесть — первый образец новоевропейского плутовского романа (1550?) — была под запретом, попав в первый же Список (Индекс) запрещенных книг, и вновь вышла на свет, сокращенная, очищенная от крамолы, только в 1573 году. Но Сервантес мог читать «Ласарильо» и раньше, уже оказавшись в Италии: на ее территорию Указ о запрещенных книгах не распространялся.

де Сервантеса», ранившего в уличной схватке устроителя дворцовых интерьеров Антонио де Сигура).

Большую часть 1569–1571 годов Сервантес прожил в Риме, совершив и ряд поездок по стране, выучив язык и непосредственно познакомившись с культурой и литературой Италии XV–XVI веков: предметом его постоянной гордости станет то, что «Неистового Роланда» он читал в оригинале и даже кое-что из поэмы помнил наизусть!

Летом 1571 года в Неаполе (Неаполитанское королевство в то время входило в состав испанской короны) Сервантес, не имея никаких иных средств к существованию, вслед за своим младшим братом Родриго завербовался в солдаты (переводя на современный язык, стал морским пехотинцем): 7 октября 1571 года на борту галеры «Маркиза» он принял участие в знаменитой битве при Лепанто, в которой соединенный флот Испании, Венеции и папского престола разбил турецкую армаду, остановив на время Османскую экспансию в Западное Средиземноморье. При этом Сервантес был ранен в грудь и в предплечье (его левая рука на всю жизнь осталась бездействующей). Но ранения не помешали ему пребывать в строю и еще в течение четырех лет сражаться «против турок». Впоследствии он не раз с гордостью будет вспоминать о своем боевом прошлом, в то же время чувствуя себя израненным солдатом, заслуги которого так и не были оценены.

В конце сентября 1575 года, везя с собой — в надежде получить чин капитана — рекомендательное письмо от самого Хуана Австрийского, главнокомандующего испанской армией в Италии, Сервантес отплыл из Италии в Испанию. Но галеру, на борту которой находились Мигель и его младший брат Родриго, захватили алжирские пираты. Сервантес (вместе с братом) оказался в алжирском плену, где провел пять лет в ожидании выкупа. Четырежды — всякий раз неудачно — он пытался бежать. Однако правитель Алжира Гасан-паша, известный своей жестокостью, всякий раз почему-то щадил беглеца.

В октябре 1580 года выкупленный родными и монахами-тринитариями «алжирский пленник» вновь ступил на

землю Испании. Позади осталась половина жизни, впереди были годы борьбы за существование. С конца 1580 года по 1587-й Сервантес живет в Мадриде, в Толедо и в расположенном на середине пути между двумя городами селении Эскивиас: именно там, поехав навестить вдову друга, он познакомился с восемнадцатилетней Каталиной де Саласар-и-Паласиос, с которой обручился две недели спустя⁶. В Эскивиасе (выезжая и в Мадрид, и в Толедо, где у матери Каталины была небольшая квартира в доме на одной из центральных площадей), он провел три года в ожидании либо военной пенсии, либо назначения на какую-нибудь службу, одновременно сочиняя пьесы, для которых становилось все труднее найти постановщиков. Успех «Галатеи», принятой доброжелательно разными читателями, в том числе будущим покровителем творца «Дон Кихота» — графом Лемосом, никак не сказался на житейских планах автора. В 1587 году, получив наконец скромную должность сборщика повинностей и налогов на юге страны, Сервантес покинул Старую Кастилию.

Первый год службы сборщиком податей он провел в разъездах по Ла Манче, заготавливая провиант для готовящейся морской военной экспедиции к берегам Англии (1589) — похода так называемой Непобедимой армады, закончившегося полным разгромом, а затем стал сборщиком налогов в окрестностях Кордовы и Эсихи, со временем обосновавшись в столице Андалусии — Севилье, богатейшем городе Испании. В Эскивиас, воссоединившись после многолетней разлуки с женой, Сервантес вернется только в начале 1600-х годов (?), чтобы засесть за письменный стол в фамильном доме Саласаров и за 1602–1603(?) годы дописать начатого еще в 1597 году в Севилье (а быть может, и раньше — в 1592-м, в Кастро дель Рио?) «Хитроумного идальго Ламанчского» (так, согласно мнению академика Ф. Рико, изначально назывался роман о сошедшем с ума любителе «каролингских» романсов (народных баллад на сюжеты французского эпоса). Существует предположение, что первоначально «Дон Кихот» создавался как новелла, заключающая в себе материал будущих первых глав Первой части «Дон Кихота» 1605,

⁶ Обряд их венчания, завершающийся установленный Тридентским собором (1545–1563) довольно сложный и длительный процесс заключения церковного брака, имел место в Толедо лишь 13 месяцев спустя. А незадолго до обручения в 1584 году у Сервантеса родилась дочь Исабель, матерью которой была Ана Франка де Рохас, жена хозяина трактира на одной из мадридских улиц, в котором любили собираться актеры и другие театральные люди.

и что новелла эта была напечатана отдельной книжечкой еще до публикации романа. Иначе чем объяснить, что, когда Сервантес привез рукопись будущего «Хитроумного идадьго» из Ла Манчи в Вальядолид — тогдашнюю временную (1601–1605) столицу Испании — для получения королевского разрешения на ее издание, о Дон Кихоте упоминает в одном из писем вечный соперник Сервантеса Лопе де Вега, а Балтасар де Наваррете, гипотетический автор «Плутовки Хустины» (1605), приписанной Лопесу де Убеда, также готовящейся к печати, в одном из бурлескных стишков, вставленных в роман, упоминает Дон Кихота в ряду других популярных, почти что фольклорных героев (таких, как Ласарильо и Селестина). Правда, скорее всего, и Лопе, и Наваррете (первый почти наверняка) уже читали рукопись Первой части «Дон Кихота», законченную в целом в конце 1603 — начале 1604 года (оставалось написать Пролог и посвятительные стихотворения, каковые автор надеялся получить от Лопе и поэтов его окружения).

Летом 1604 года Сервантес вместе с Каталиной, двумя так и не вышедшими замуж сестрами Андреа и Магдаленой, племянницей Констансой и незаконнорожденной дочерью Исабель, которую Магдалена приняла в семью после смерти матери девушки, переехал в Вальядолид хлопотать при Дворе о разрешении на публикацию в целом уже готовой истории об идадьго из Ла Манчи. Поселившись в Вальядолиде, он снял этаж дома над большим постоялым двором в самом непрестижном районе города — по соседству со скотобойней и больницей, где лечили привезенную из Новой Индии опаснейшую болезнь — сифилис (этот опыт в конечном счете претворился в шедевр Сервантесановелиста — «Повесть о беседе собак»).

Сервантес продал права на издание «Дон Кихота» мадридскому издателю и книготорговцу Франсиско де Роблесу. Де Роблес, предвидя успех книги, спешит с изданием, и хотя роман набирается в печатне Хуана де ла Куэста в Мадриде, небольшой тираж в декабре 1604 года (хочется порадовать королевский двор забавной книгой к Рождеству!) допечатывают и брошюруют

в Вальядолиде. Остальной тираж появляется в продаже в январе 1605 года. Несколько месяцев спустя печатается второе, 1605 года, издание (долго считавшееся читателями и критиками первым) «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского». Пытаясь сгладить вкравшиеся в текст первого издания 1605 года несообразности (связанные прежде всего с историей похищения осла Санчо), Сервантес вносит в текст второго издания некоторые изменения, которые, вставленные в спешке и некстати, еще более запутывают сюжет.

Успех «Хитроумного идадьго...» подвигает его на мысль об осуществлении некогда отложенных замыслов, в том числе сочинении авантюрно-любовного романа «Странствия Персилеса и Сихизмунды», возможно, начатого еще до 1600 года, о карьере драматурга... Кроме того, он продолжает писать новеллы (некоторые из уже написанных вошли в Первую часть «Дон Кихота»). Сервантес мечтает посвятить себя писательству, как можно меньше отвлекаясь на участие в разного рода коммерческих сделках⁷. Он готовит и третье (1608 года) издание «Хитроумного идадьго», но и оно не дает ему возможности выбиться из нищеты, найти в Мадриде сколь-нибудь достойное жилье.

Первые относительно точно установленные мадридские адреса писателя — некий дом в квартале Аточа, где он прожил практически весь 1608 год, и дом на улице Магдалены в том же квартале. В конце 1610-го Сервантес с семьей переехал на улицу Леон, дом 8, и там, в январе 1611 года, умерла его младшая сестра. Это была последняя, но не первая потеря, которую понесла семья. Шестью месяцами ранее, осенью 1609 года, внезапно скончалась Андреа, старшая сестра писателя, незадолго до кончины первая из окружавших Сервантеса женщин принявшая монашеский постриг в Ордене францисканцев-терциариев (летом 1610 года ее примеру последовали долго уже болевшая Магдалена и жена писателя — Каталина). Сам Сервантес стал членом Ордена тремя годами спустя — 2 июля 1613 года. Но вплоть до 1610-го он еще надеялся на относительно достойную жизнь в миру. Более того, на придворную жизнь. И даже на своего рода возвращение во

⁷ Во время судебного процесса по поводу так называемого «Дела Эспелеты», состоявшегося в Вальядолиде в июле 1605 года, на котором рассматривалась причастность семьи Сервантес к смертельному ранению в уличной стычке поблизости от их дома некоего Гаспара де Эспелета, Андреа, сестра писателя, на вопрос судьбы о занятиях ее брата (автора уже прославленного «Дон Кихота») ответила: «Он пишет и занимается коммерцией (*trata negocios*) и благодаря своим способностям имеет друзей».

Густав Доре.
Иллюстрация
к роману «Дон Кихот»
(фрагмент). 1863 ▶

времена молодости — на горизонте его скудного существования возник мираж Италии, Неаполь, где началась его военная служба, море, которого жители внутренних районов страны, той же Кастилии, не видели годами, а нередко — ни разу в жизни...

Существует предположение, что в начале 1610 года Сервантес получил обещание давнего знакомого, о поэтических творениях которого одобрительно отзывался в «Песне Каллиопы», входящей в «Галатею», — Луперисио Леонардо де Архенсола, литературного секретаря графа Лемоса, включить его в список поэтов и художников, входящих в свиту графа, направлявшегося в Италию для исполнения обязанностей Неаполитанского вице-короля. Флотилия с графом и его свитой должна была отплыть в Неаполь из Барселоны в июле (?). Известный испанист и каталонист М. де Рикер считал, что шестидесятидвулетний Сервантес, надеясь оказаться в свите графа, прибыл в Барселону накануне Иванова дня и увидел сверкающее на солнце море таким, каким увидели его Дон Кихот и Санчо в LXI главе «Дон Кихота» 1615 года. Но для автора «Дон Кихота», как и для его героя, Барселона станет «Троей»⁸: Архенсола немолодого писателя-инвалида в свиту не включил. И вряд ли Сервантес мог утешиться тем, что в список, составленный Архенсолой, не попал и лучший (но это поймут лишь далекие потомки!) поэт того времени — Луис де Гонгора-и-Арготе (тоже родом из Кордовы и тоже очень нуждавшийся в деньгах, хотя у него не было семьи и была какая-никакая церковная пребенда): высоко ценивший поэзию Гонгоры, Сервантес завистником никогда не был.

Писательница-академик К. Рьера права в том, что отъезд Сервантеса летом 1610 года в Италию был невозможен хотя бы потому, что ему не на кого было оставить в Мадриде умирающую сестру. На жену, с которой он столько лет был в разлуке? На племянницу — дочь Магдалены Констансу, которая похоронила мать и мечтала о собственном очаге?.. Что касается родной дочери писателя Исабель (умерла в 1652 году), то она ушла из дома первой, к счастью в полном здравии и расцвете (судя по сохранившейся миниатюре) необыкновенной красоты.

⁸ «Здесь была Троя!.. здесь... закатилась моя счастливая звезда и никогда уже больше не воссияет!» (II, LXVI, 626) — восклицает Дон Кихот, покидая Барселону, который не раз сравнивает свои злоключения с поражением в войне с греками троянца Энея.

Похоронив Андреа, большую часть 1611 года писатель с женой и племянницей прожил в Эскивиасе. К тому времени Каталина уже продала почти всю доставшуюся ей по наследству недвижимость. Так что Сервантесы прожили 1611-й — начало 1612 года в доме, уже ставшем владением брата Каталины Франсиско, и за жилье было уплачено из части Каталининого наследства. За продолжение «Дон Кихота», судя по всему, писатель принялся вскоре после завершения работы над книгой «Назидательных новелл». В нее вошли небольшие истории — *novelas* (от итал. *novella*), написанные до начала работы над «Дон Кихотом» (1602–1603) и позднее — в 1605–1610-х годах. Из них, отредактировав уже написанные и сочинив несколько новых, в том числе самых знаменитых, таких как «Цыганочка», Сервантес к середине 1612 года и собрал книгу «Назидательных новелл», в точнее, «повестей»⁹, увидевшую свет в 1613 году.

Публикация «Назидательных новелл», которые имели немалый читательский успех, оказалась делом прибыльным, позволившим Сервантесам вернуться в Мадрид. Они поселились в неказистом домике на той же улице Уэртас — в «темном убогом жилище», как его охарактеризовал сам писатель в прозаическом «Дополнении» к «Путешествию на Парнас», а осенью 1615 года перебрались в дом, находящийся в другой части еще раньше обжитой ими улицы Леон, на ее пересечении с улицей Франкос (на Франкос выходил торец здания). Это жилище было лучше прежнего: не одно, а целых три окна, так что Сервантес, не выходя из дома, мог наблюдать жизнь находящегося по соседству театра. По соседству жили Лопе де Вега и многие другие писатели (Ф. де Кеведо, Л. Велес де Гевара): в квартале, одной из границ которого является улица Леон, были расположены крупнейшие корралы Мадрида¹⁰ и популярный игорный дом, куда любил заглядывать автор «Дон Кихота». В этом последнем мадридском пристанище Сервантес в спешке дописывал свой последний роман — «Странствия Персидеса и Сихизмунды»...

В прологе к «Назидательным новеллам» Сервантес обещал читателю скорый выход продолжения «Хитроумного

⁹ *Novela* в современном испанском языке обозначает «роман», но никак не «новеллу», или же «повесть» (*novela corta*).

¹⁰ *Корраль* — первоначальная разновидность испанского массового театра, приспособленный для сценических представлений замкнутый прямоугольный двор. В одном из концов воздвигались подмости, перед которыми толпилось простонародье и зрители-мужчины, в то время как женщины и знать, сидя, располагались на крытых галереях (балконах) домов, выходявших во двор (первоначальное значение слова «корраль» — загон для скота на задах крестьянского дома: именно в таком «коррале» посвящает Дон Кихота в рыцари трактирщик в III главе ДК 1605).

¹¹ Роман был написан в 1613 году, опубликован в 1615-м.

¹² Роман был начат в 1610-е годы, опубликован в 1617-м.

¹³ Подробно история появления подложного романа-продолжения рассказана в статье «...И судьба его “взбалмошно-го сына”».

идадьго» в свет, поскольку приблизительно в 1612 или 1613 году ему стало известно о существовании рукописи подложного продолжения, которая получила хождение в литературных и университетских кругах Кастилии и Арагона, когда он уже начал работу над своей Второй частью. Но его часто отвлекали другие замыслы. Параллельно идущая работа над «Назидательными новеллами», поэмой «Путешествие на Парнас»¹¹, романом «Странствия Персилеса и Сихизмунды»¹², пьесами, вошедшими — наряду с сочиненными ранее — в сборник «Восемь комедий и восемь интермедий» (1615), растянула написание «Хитроумного кабальеро» на пять-семь лет (примерно столько же создавалась и Первая часть). Выход в свет «Лже-Кихота»¹³ на год опередил публикацию «Второй части хитроумного кабальеро Дон Кихота Ламанчского». Во многом и поэтому «Вторая часть...» (она появилась в мадридской книжной лавке в сентябре 1615-го, за семь месяцев до смерти Сервантеса) продавалась хуже, чем Первая. Кроме того, она сложнее и аристократичнее Первой. В ней меньше карнавального смеха, но больше авторской горечи и иронии. Вторая часть не просто сюжетно продолжает Первую, но и написана «поверх» Первой (а также поверх подделки литературных конкурентов). Именно в «Дон Кихоте» 1615 года сосредоточена почти вся изысканная метатекстуальная игра Сервантеса-романиста, характернейшая примета романа Нового времени.

На смертном одре в апреле 1616-го Сервантес диктует пролог к своему любимому, спешно законченному роману — «Странствия Персилеса и Сихизмунды», опубликованному уже после смерти автора, в 1617 году.

Он умер 22 апреля и был похоронен за счет францисканского ордена рядом со своей ранее скончавшейся сестрой (позднее там же была захоронена и жена писателя) в женском монастыре Ордена Тринитариев в Мадриде. В конце XVII века во время перестройки монастыря останки Сервантеса и его близких вместе с рядом других захоронений были перенесены в общую могилу, и долгое время точное место упокоения писателя оставалось неизвестным.

...И СУДЬБА ЕГО «ВЗБАЛМОШНОГО СЫНА»

...Также никому не ведомо название некоего «села Ламанчского»¹⁴, в котором жил и умер идадьго Алонсо Кихано, но, поскольку некая Аргамасилья фигурирует в финале «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского», или ДК 1605 (он заканчивается пародийными стихами, сочиненными на смерть Дон Кихота неким Черномазом, «академиком из Аргамасильи»¹⁵), два села с таким названием давно претендуют на право считаться родиной героя Сервантеса¹⁶.

Дон Кихот умер, и как восклицали на карнавалах, столь созвучных духу сервантесовского повествования, — «да здравствует Дон Кихот!». Автор, публикатор эпиграфии академика, явно никак не рассчитывал, что кто-то из читателей отнесется к объявленной «смерти» его героя всерьез, тем более что он, уже как «автор этой истории», сообщил читателю, что Дон Кихот после возвращения в родное село совершил и некий третий выезд, чтобы принять участие в знаменитом рыцарском турнире в Сарагосе — общегородском празднике в честь Дня св. Георгия (23 апреля).

Организаторами таких турниров-празднеств (именно в таком широком значении использовалось слово «турнир»¹⁷ в Испании в XVI–XVIII веках, сохраняя и свой первоначальный узкий смысл — рыцарское сражение, в котором участники бьются группами, объединенными в квадрильи) были религиозно-рыцарские ордена (такие как Сантьяго, Калатрава, Алькантара, Монтеса...) и городские Братства, не говоря уже о городских властях и Короне. Последняя своим присутствием (церемонией въезда короля и его двора в город или же участием в турнире его представителя) воплощала общегосударственный смысл праздника, опиравшегося не только на церковные службы и рыцарские ритуалы, но и на образы средневековых народных карнавалов, продолжавших свою жизнь в городах, селах и деревнях Испании. Образцом такого театрализованного религиозно-рыцарского и одновременно площадного праздника в «Дон Кихоте» является празднование Иванова дня в Барселоне во Второй части.

¹⁴ Сервантес уклоняется от наименования селения, в котором жил Дон Кихот, так что попытки определить, где именно жил герой, явно расходятся с авторским замыслом. Пародийная ориентация повествования сказывается уже в его зачине: авторы рыцарских романов стремились как можно точнее определить место рождения героя (при том что география рыцарских повествований чаще всего была фантастичной). Кроме того, их основное место действия — лес, в котором рыцаря подстерегают всякого рода опасности, или море. Ла Манча, напротив, одна из самых безлесных и безводных областей Кастилии.

¹⁵ «Академиями» во времена Сервантеса в Европе именовали литературные объединения, члены которых на регулярных собраниях читали свои сочинения и обсуждали разные темы.

¹⁶ Аргамасилья-де-Альба и Аргамасилья-де-Калатрава. Второе — с большим на то основанием, хотя в первом усилиями энтузиастов создан дом-музей Сервантеса, якобы здесь и написавшего роман!

¹⁷ Турнир всегда подразумевает множество участников, тогда как бой один на один именовался «хуста» (*justa*).

¹⁸ Указание на весьма преклонный для того времени возраст героя подчеркивает его отличие от персонажей рыцарских романов, которые изображались в неизменном состоянии цветущей молодости.

В романе автор приводит несколько вариантов родового имени героя, и все они имеют комический подтекст: Кихада — *исп. Quijada* — «челюсть»; Кесада — *исп. Quesada* — «сырный пирог»; Кехана согласуется с *quejar* — «жаловаться, стонать». В романе встречаются и иные варианты: в главе V крестьянин, односельчанин Дон Кихота, обращается к нему: «Сеньор Кихана», что почти совпадает с тем, как исцелившийся Дон Кихот сам именуется в финале романа — Алонсо Кихано Добрый.

Смерть-воскрешение Дон Кихота¹⁸ в конце Первой — одно из проявлений глубокой связи романа Сервантеса (его обеих частей) с традициями народной смеховой культуры, вдохновенно воссозданной в книге одного из крупнейших русских философов миновавшего столетия М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965). Особенно явственно с карнавальными стихией связан образ Санчо Пансы («Панса» по-испански «брюхо»), восходящий к карнавальному шуту — «обжоре»: во времена Сервантеса среди студентов университета в Саламанке существовал «праздник Брюха» — «праздник Пансы», календарно совпадавший с русской Масленицей. В число карнавальных ритуалов входил и обряд потешного возведения в сан карнавального «короля на час» (с его последующим развенчанием): с ним соотносятся знаменитый эпизод правления Санчо на острове Баратария и участие оруженосца в воскрешении девицы Альтисидоры в одной из последних глав «Дон Кихота» 1615 года. Непременным участником карнавального праздника был и осел — древний символ плодородия, животное, избранное Санчо для передвижения по ламанчским дорогам, что поначалу чрезвычайно смутило Алонсо Кихано, который согласился взять с собой Санчо на осле лишь в надежде вскоре завоевать для оруженосца какого-нибудь коня. Но осел (Серый) становится почти что очеловеченным (Санчо разговаривает с ним как с другом) спутником Санчо, каким сам Санчо оказывается для Дон Кихота.

Санчо — Масленица (она в испанском «дон»: *don Carnal* — Карнавал) в сюжете романа символически противопоставлен Дон Кихоту — Великому Посту (а вот Пост в испанском — существо женского рода: *Куаресма* — *Doña Cuaresma*). Вместе со скелетоподобностью второго «я» Дон Кихота — коня Росинанта, равнодушие странствующего рыцаря к пище явно указывает на соотнесенность его фигуры с фигурой доньи Куаресмы (игра в гротескное смешение мужского и женского в «Дон Кихоте» — дело обычное: чего стоят одни бородатые дуэньи во главе с Трифальди или эпизод с мытьем поварятами бород Дон Кихота и Санчо (неприкосновенных ни для кого, кроме цирюльника,

борода и усы — первый признак мужественности) в замке герцога! Маниакальная воздержанность Дон Кихота в еде (ни у кого из книжных рыцарей не замеченная) особенно характерна для его поведения в «Дон Кихоте» 1605: тут он чаще участвует в застольях, хотя и в Первой части есть эпизод, в ритуальном плане символический — совместный ужин всех нашедших друг друга и примирившихся постояльцев трактира Хуана Паломеке (гл. XXXVII–XXXVIII), во время которого Дон Кихот, сидя во главе трапезного стола (другого на постоялом дворе-де не нашлось, отмечает повествователь), произносит знаменитую речь о науках и воинском поприще, предваряемую рассуждением о войне как пути к миру.

Уподобляясь паре карнавальных противников — Масленицы и Великого поста, друг без друга не существующих, «Дон Кихот и Санчо не делают ничего важнее того, что разговаривают друг с другом», как писал крупнейший испанский поэт XX века Антонио Мачадо. Рыцарь и оруженосец составляют знаменитую «донкихотовскую пару», пожалуй, самую известную из многочисленных героев-двойников мировой литературы.

Во Второй части оруженосец Дон Кихота уже не только главный объект карнавальных избиений, устраиваемых слугами и постояльцами двора Хуана Паломеке в Первой части, а также издевательствах герцога и его майордома во Второй, но и индивидуум, вписанный в определенный социальный контекст, поставленный в зависимость от своего прошлого (как книжного, так и реального), от своего происхождения, семейного положения, наделенный определенными чертами характера (преданностью господину, крестьянской расчетливостью, добросердечием и т. д.). И если образ Дон Кихота развивается в романе по линии утверждения «человека внутреннего», то образ Санчо все более и более прорисовывается как характер, как нечто пластически оформленное, очерченное, то, что может открыться взгляду даже... самого Санчо, готового оспорить возможный неверный взгляд на себя со стороны и требовать от самого автора благожелательного к себе отношения.

Напротив, Алонсо Кихано, «взбалмошный» сын, точнее, пасынок Сервантеса, рождается — появляется на страницах книги — изъятым из своей истории: без поименованных (а как же иначе?) предков и даже без точно установленной фамилии, без «малой» родины («имени» которой повествователь не может вспомнить), практически без родни («племянница» не в счет!), без детства и юности, без биографии (от нее остались два следа — указание на весьма преклонный, совпадающий с авторским, возраст и загадочное для жителя самой засушливой области Кастилии умение плавать, «как утка», а также глубокие знания мореходного дела, продемонстрированные в XXIX главе Второй части, в эпизоде переправы через реку Эбро): все иные сведения об Алонсо Кихано подменены сообщением о том, что идадьго ест, во что одевается и как проводит время — охотясь и читая рыцарские (но не только!) романы. Иными словами, в «Дон Кихоте» нет целостного индивидуально-очерченного, художественно завершенного образа героя, поступки которого определялись бы его натурой и душевным складом, мотивировались бы влиянием на него окружающего мира (равно как и его реакцией на окружающий мир), героя, обладающего собственным внутренним миром, как правило рождающимся в персонажах романов в процессе любовных переживаний (роман как жанр от его средневековых истоков — почти обязательно «книга о любви»).

Есть любовный сюжет и в «Дон Кихоте», хотя любовные переживания главного героя первого европейского романа Нового времени весьма специфичны: история появления у Дон Кихота возлюбленной — Дульсинеи Тобосской, прославление которой станет чуть ли не главной целью его выезда на поиски приключений, имеет явно пародийную окраску. Любовные «страдания» Дон Кихота — служителя Прекрасной Дамы Дульсинеи — имитационно-театральны, точнее, литературны, что сознает и сам герой, откровенно признаваясь Санчо, что его Дульсинея — существо выдуманное, как и героини пасторальных романов и любовных стихов, сочиняемых поэтами. Посему ему «достаточно вообразить и верить, что добрая

УДК 821.134.2.09
ББК 83.3(4Исп)-8
СЗ2

Книга включает статьи о творчестве Мигеля де Сервантеса и Анатолия Зверева.

Сервантес Мигель де

СЗ2 «Дон Кихот» Сервантеса в иллюстрациях Анатолия Зверева» / сокр. пер. с исп. Н. Любимова, Ю. Корнеева. — М. : Издательство АЗБУКА, КоЛибри, 2026. — 296 с.: ил.

ISBN 978-5-389-23201-3

Образ художника Анатолия Зверева парадоксально совпадает с образом Дон Кихота и с богатой традицией русского восприятия дон Кихота. «Дон Кихот» — поистине великий роман Сервантеса, и, как в каждом великом произведении, в нем заложено гораздо больше, чем может показаться сначала. Так же и в картинах Анатолия Зверева заключен не просто Рыцарь Печального Образа, а в чем-то существо самого художника. Иллюстрации сопровождают избранные главы и эпизоды из романа «Дон Кихот», расположенные в их сюжетном развитии, которые дают представление о сюжете романа в целом.

В избранных главах представлены не только похождения героев, но и все мудрые речи безумца Дон Кихота и остроумные высказывания Санчо Пансы, что показывает роман в его традиционно русском прочтении, поскольку в России после статьи Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» Рыцарь Печального Образа стал восприниматься не как комический персонаж, а как мудрый, трагичный Гамлет. Русские писатели видели в речах Дон Кихота главное содержание романа. Достоевский считал, что размышление о Золотом веке — основная ценность Дон Кихота.

Комментарии ведущих отечественных испанистов придают книге дополнительную научную и культурную ценность.

Издание для досуга Бос уақытқа арналған басылым

Мигель де Сервантес

«ДОН КИХОТ» СЕРВАНТЕСА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ АНАТОЛИЯ ЗВЕРЕВА

Руководитель проекта *Ольга Ро*
Менеджер проекта *Татьяна Маслова*
Редактор *Мария Николаева*
Технический редактор *Лидия Синецкина*
Дизайнер *Надежда Данильченко*
Корректоры *Вера Алексина, Светлана Луконина*
Верстка *Леонид Харченко*

© Любимов Н. М. (наследники), перевод на русский язык, 2025
© Корнеев Ю. П. (наследники), перевод на русский язык, 2025
© Пискунова С. И., обработка перевода, статья, комментарии, 2025
© Баженова-Сорокина А. Д., статья, 2025
© Музей АЗ, изображения, 2025
© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.01.2026.

Формат 84×108^{1/16}. Гарнитура «LazurSKI». Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08.

Тираж 3000 экз. О-ЛPI-32151-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

